

ЛЮБОМИР ЛЕВЧЕВ

Из книги
«Стрельбище»
(1971 г.)

Перевод с болгарского ЮРИЯ ЛЕВИТАНСКОГО

Оглядываясь на два минувших десятилетия, мы вновь и вновь убеждаемся, что начавшийся тогда процесс обновления поэзии затронул многие социалистические литературы. Чуть раньше или чуть позже, но где-то в середине 50-х годов начинается новый период, который мы вправе именовать общим периодом зрелости социалистического искусства. Именно тогда появляются новые имена, заставившие говорить о себе. Явление «второго рождения» поэтов старшего поколения — также распространенное свидетельство общего решительного сдвига в духовной жизни общества, исторически молодого, но динамичного, готового к движению и переменам.

В болгарской поэзии одно из ярких примечательных имен — Любомир Левчев. В его стихах современное, активное начало, стремление сблизить слово поэзии с делом жизни особенно наглядны. Традиция Маяковского — Вапцарова продолжается в новом обличье. Революционная поэзия готовила Словом своим Дело. Патетика раннего Маяковского и Христо Смирненского провозглашала максимы Революции, обращаясь к тысячам и миллионам. Поздний Маяковский и Вапцаров сильны конкретностью цели и реалистичностью образа. Тон их поэзии — разговор, а не речь.

Через объективный сюжет и рассказ о времени и о себе поэзия вплотную подходит к личности и уже через нее, через внутренний мир человека прозревает дело Революции. Наиболее ясно в русской поэзии выразил эту диалектику в послевоенный период Александр Твардовский — от поэм к лирике 60-х годов. В болгарской литературе лирический взрыв приходится на середину 50-х — там, как и у нас, поэзия выходит на трибуну, а потом, становясь спокойнее и «тише», стремится к анализу явления, к сосредоточенному узнаванию себя через слово. При этом и у нас и в Болгарии «тихая» поэзия выражает разные тенденции. От подлинной глубины, желания понять сложные проблемы века до имитации глубины, отступления в Слово от ... Дела. Молодая болгарская поэзия — и здесь Любомир Левчев может служить хорошим примером — в главном русле своем преодолевает как бездумную и легковесную риторику, следующую за внешним течением жизни, так и модную игру в «духовность», философию рабов, маскирующихся в аристократические одежды противников «утилитарности».

В этой подборке мы печатаем стихи из сборника Левчева «Стрельбище». Один из признаков современной поэзии — ясность — не та, о которой говорил Маяковский как о «глупости», а та, что противостоит умышленной запутанности сознания, неясности Дела или нежелания его делать. Самая сложная метафора (а стих Левчева предельно метафоричен) не прячет поэтический смысл, не шифрует его, а обостряет, заостряет, укрупняет, делает явным корни и связи явления. Стихотворение «Крыши» — о том же, о чем и многие другие стихи Левчева, — о «фундаменте», о надежности жизненных основ, о Деле, на котором базируется Слово поэта. Искусство должно быть под стать времени и задачам его, чтобы выдержать нагрузку будущего, испытание

правдой. Крыша добротного дедовского дома осела, в землю ушел дом потому, что не было в нем надежного фундамента... И может, там, «в той древней Атлантиде» застыло время и герой стихотворения ходит по плитам бывшей крыши, пугая ребенка (своего отца), и бабушка говорит ему: «Спи, ты слышишь, там упырь по крыше ходит!.. И вздрагивает он. И засыпает...» Смелая метафора продолжает раскрываться: если надстройка и не может «раздавить» базис, подобно крыше дедовского дома, то она должна соответствовать ему — поэзия связана с жизнью, с тем Делом, которое и определяет наше Слово, но и зависит от него само... Активность поэзии — нерв лирики Левчева. Он, как я говорил, готов скорее заострить мысль о жизненности стиха, нежели уплыть в небеса поэзии и раствориться в «чистой» идее! Будущее у Левчева так же конкретно и зримо:

Мне кажется, уже по нашей крыше
проходит кто-то легкою походной.
И прорастают молнии, подобно
могучим крыльям,
за его спиной.

В одном из своих стихов Левчев называет себя «чернорабочим фабрики Надежды», а в другом читаем: «Не знаю ничего прекрасней, чем быть кому-то упованьем и за руку водить надежду над пропастями страха...» Но, современный поэт, он дальше всего от прекраснотворения, от лирического очковитирательства. Оптимизм, как и ясность не однозначны. В «Исповеди бывшего бога» весело похоронен этап искусства, благородно захлебывающегося в своем прекраснотворении и высокомерии всезнайки. Такому поэту кажется, что он бог. И потому, занимая место в «редакции восторга», он вдохновенно дает советы, как жить, не зная того, что «вещать о смысле жизни, и освещать сложнейшие проблемы, и отвечать на разные вопросы» он просто не имеет морально-го права, так как вместо лекарства от рака нельзя подсовывать человеку совет «стихи читать почаще!». Болезни надо лечить лекарствами. Да, не случайно «бывшего бога» переводят из отдела писем в отдел литературы. Ироническое и лукавое это заключение красноречиво: литература пока не всегда еще достойна Дела, которое превышает всего.

Да, человек
всегда готов стать богом.
Но может ли когда-нибудь случиться,
чтобы из бога
вышел человек?

Не только может, но и должно случиться и случается! — таков поэтический итог стихотворения Левчева. Поэзия — дело серьезное, ответственное. И если Слово и Дело отошли друг от друга, то задача истинного поэта — соединить их. Тогда поэт — работник. А только работников ценит наш народ. Наши народы.

ВЛАДИМИР ОГНЕВ

Крыши

Б. Райнову

Был дедовский дом старинный
крыт крышей из плит тяжелых.
И я даже помню — на крыше
росла какая-то травка...

— Где,—
вопрошаю,—

дедовский дом старинный?

Мне отвечают:
разрушился сам собою.

придумать что-то верное весьма
и чтобы в нем правдиво все
и прочно...

Мне кажется, уже по нашей крыше
проходит кто-то легкою походкой.
И прорастают молнии, подобно
могучим крыльям,
за его спиной.

Исповедь бывшего бога

Нет, писем от меня ты не получишь.
Не проклинай меня.

Потребуй кость из моего плеча.
Потребуй ветер моего дыханья.
Все дни мои.
И все, что хочешь.
Но лишь не это...

Не проклинай меня.
Нет, писем от меня ты не получишь.

. . . . .
Не знаю ничего прекрасней,
чем быть кому-то упованьем
и за руку водить надежду
над пропастями страха,
чем ожидающим являться в снах,
как дождь в пустыне,
за которым сразу
деревья-призраки
на камне вырастают,
чем говорить
«отныне и навеки...»,
обозначая новые эпохи...

Но знаю я, что значит в это верить.
Я знаю, как жестоко это знанье.
Жестоко...

Потому что
я
был
бог.

Хотя вначале.
И совсем недолго.

И все же,
все же
я
был
бог.

. . . . .

Я начинал свой путь в отделе писем,
в редакции восторга.
Местечко скромное,
и все-таки для бога.
Но как сказал уже я выше —

я
был
бог.

Я полагал ответственным свой пост,
и я писал ответы вдохновенно.
По тридцать писем в день.
По тридцать судеб.
По тридцать в день молений,
до поры
сокрытых,
но прорвавшихся однажды
с такую силой,
что и сам господь,
сам всемогущий
вдрогнул бы, наверно.
Но я...

я был обязан отвечать.

Я должен был вещать о смысле жизни,
и освещать сложнейшие проблемы,
и отвечать на разные вопросы.
«Что делать мне — мой муж сбежал с актрисой?»
«Когда чеснок появится в продаже?»
И — помогите получить квартиру.
И — объясните, что такое смерть.

Я молод был,
я все на свете знал.
Самонадеянность моей рукой водила.
Итак, я восседал на троне тайны,
и я писал со скоростью, не меньшей,
чем скорость света,—

небо в час вечерний
мне было промокательной бумагой,
а звезды были словно отпечатки
моих ответов,
быстрых строк моих...

Но тут меня призвал к себе редактор —
лицо, не уважаемое мною.
Он по плечу меня отечески похлопал
и богохульным своим голосом изрек:
— Ну что за чушь ты, братец, сочиняешь!
Вот, например, письмо — одна старушка
ей просит посоветовать лекарство
от раковой болезни —
ну, а ты
рекомендуешь ей
стихи читать почаще!..
Возьми-ка, братец, отпуск! Отдохни!
А там уж я тебя переведу,
пожалуй что, в отдел литературы!..
.....

На том сей эпизод и завершился.
И я сказал себе:
— Ну, с богом, бывший бог!..

Я пал.
Печальный.
Письмами раздавлен.
И проклят.
И почти что обесмыслен
ответами.
Я пал.
Почти поэт...

Да, человек
всегда готов стать богом.
Но может ли когда-нибудь случиться,
чтобы из бога
вышел человек?

. . . . .
И потому
не проклинай меня —
я никогда тебе не напишу.
Я не явлюсь тебе внезапно, воплотившись
в слова любви, и ревности,
и муки,
сияя от великих обещаний...
На это не надейся никогда!

Когда все девушки земли
читают письма,
одна лишь ты
должна будешь читать
лишь синь небес,
иль облако ночное,
иль дождь ночной...

Не проклинай меня!

Кармен, или Придуманная девушка

Когда-то —
в том безоблачном когда-то,
в том призрачном,
предпраздничном когда-то --
мы мнили великанами себя.
Мы пили пиво с коньяком, мы сигареты
курили с мундштуками золотыми.

И о своих любовных похождениях
любили мы друг другу рассказать...
Тогда
я эту девушку
придумал.

Был мой черед,
но не было, о чем
рассказывать, увы,
и вот тогда-то...
Я выдумал, что мы с ней целовались
за трансформаторною будкой.
И будто есть сигнал у нас условный —
«Скажи, Кармен, ты любишь ли меня...»

Все надо мной, конечно, посмеялись.

Но в полночь,
одиноким и печальным,
слагая свои грустные стихи,
вдруг чей-то свист я под окном услышал —
«Скажи, Кармен, ты любишь ли меня...»
И я открыл окно,
дрожа, как пламя,
и вдруг тебя,
красавица,
увидел,
и волосы твои луна качала,
и озарял их ветер полуночный,
и я услышал тихий шелест листьев:
— Да, это я —
ты так меня придумал!
Зови меня Кармен
и знай — люблю тебя!..

Прекрасная Кармен,
о, сколько раз
ты приходила, чтоб меня утешить,
приободрить меня
и приласкать...

Мне изменяли близкие друзья.
Неверными оказывались даже
иные аксиомы.
Даже сам
себе я изменял неоднократно.
И только ты —
придуманная мной —
ни разу мне пока не изменила.
Когда собьюсь с дороги —
ты со мной.
Когда пуста обойма —
ты со мной.
И ничего другого не хочу
взамен
того мальчишеского свиста —
«Скажи, Кармен, ты любишь ли меня...»

Пребуди и эту ночь со мной, Кармен!

Мне волосы взъерошь —
они белы.

Целуй меня
и мой огонь испей!

Я чувствую, как я испепеляюсь
и как мой прах развеивают ветры
во времени.

И тут я понимаю
(и каждому понять это дано),
что был придуман, в сущности,
я сам.

